

УДК 343.1

*3.3. Зинатуллин, А.А. Перевощикова***СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: ПОНЯТИЕ, СИСТЕМА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЁ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

В статье на основе анализа содержания и назначения следственных действий формулируется их дефиниция как средств познания обстоятельств расследуемого и (или) разрешаемого уголовного дела, критически оценивается сложившаяся на законодательном уровне классификация таких действий и обосновывается вывод о том, что теория и практика уголовного судопроизводства должна идти по пути их подразделения на вербальные, невербальные (нонвербальные) и смешанные следственные действия. Социальная ценность такой классификации следственных действий видится не только в их полном согласовании с объективной реальностью, но и в возможностях проникновения в сущность и содержание каждой из разновидностей таких действий. Обосновывается, что и в эпоху цифровых технологий с возможным формулированием в качестве универсального следственного действия получение цифровой информации машинным способом, социальная ценность существующих и закрепленных в действующем УПК РФ следственных действий, включая и те из них, что носят вербальный характер, в деле их служения достижениям российского уголовного судопроизводства своего значения по защите прав и законных интересов граждан России не утрачивается.

Ключевые слова: следственные действия, признаки, система, цифровые технологии, вербальный, невербальный, смешанный характер, социальная ценность.

В ст. 5 УПК РФ, посвященной разрытию содержания основных понятий, используемых в УПК РФ, понятия следственного действия нет. Такое законодательное упущение вызвало множество суждений относительно самого понятия следственных действий и их видов и системы¹. Понимая, что в одной статье их обстоятельный анализ и обоснование своего отношения к таким вопросам просто невозможны, позволим себе ограничиться выделением основных признаков следственных действий и формулированием на их основе дефиниции таких действий.

Основными существенными признаками следственных действий являются, как мы полагаем, следующие: а) они носят сугубо процессуальный характер с позиции обязательного регламентирования их уголовно-процессуальным законодательством (в нашем случае – УПК РФ); б) на их производство уполномочены специальные субъекты уголовно-процессуальной деятельности в лице должностных лиц государства, какими являются дознаватели и следователи; в) осуществляются в порядке и форме, строго урегулированных уголовно-процессуальным законом; г) имеют цель – познать обстоятельства расследуемого и (или) разрешаемого уголовного дела.

Суммируя выделенные признаки следственных действий, их дефиницию определим следующим образом: следственные действия представляют собой урегулированные уголовно-процессуальным законодательством процессуальные действия познавательного характера, производимые расследующими уголовные дела дознавателями и следователями в процессуальном порядке и форме, установленных законом.

Что касается системы следственных действий, то законодатель пошел по пути подразделения их на следующие группы: а) осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент (гл. 24 УПК РФ); б) обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров, получение информации о соединении между абонентами и (или) абонентскими устройствами (гл. 25 УПК РФ); в) допрос, очная ставка, опознание, проверка показаний (гл. 26 УПК РФ); г) производство судебной экспертизы (гл. 27 УПК РФ). Какого-либо обоснования такого подразделения следственных действий законодатель не даёт. Надо полагать, что законодатель исходит при этом просто из факта существования данных действий на практике.

Названные следственные действия могут производиться как в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, так и в таких судебных стадиях, как производство в суде первой и апелляционной

¹ См.: Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. С. 5-6; Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965. С. 108-109; Стельмах В.Ю. Концептуальные основы следственных действий. М., 2017. С. 17; Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве. М., 2017. С. 20; Россинский С.Б. Следственные действия. М., 2018. С. 42; и др.

инстанциях, а также при возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. При этом, естественно, должны учитываться законодательные ограничения на возможность производства некоторых из следственных и судебных действий следственного характера на отдельных этапах производства по уголовному делу. Невозможно, например, при рассмотрении сообщения о преступлении в установленном ст. 144 УПК РФ порядке производить допрос обвиняемого, так как обвинение в его материально-правовом содержании формулируется лишь в стадии предварительного расследования при наличии совокупности доказательств, свидетельствующих о виновности конкретного лица в инкриминируемом преступлении. При производстве по уголовным делам в судебных стадиях уголовного процесса невозможны такие следственные действия, как очная ставка, обыск, выемка, контроль и запись переговоров. Тот факт, что в процессе судебного разбирательства лишь в единичных случаях имеют место такие следственные действия, как осмотр места происшествия и проверка показаний на месте, как нам представляется, нельзя расценивать как запрет на их производство в стадиях уголовного процесса. Кроме неизбежных трудностей организационного порядка в случаях производства таких действий в суде нельзя игнорировать закрепленное в ст. 123 Конституции РФ положение о том, чтобы судебное разбирательство дел во всех судах должно осуществляться в условиях гласности, отступить от которого можно лишь в случаях производства судебного разбирательства в закрытом судебном заседании (в соответствии с ч. 2 ст. 241 УПК РФ).

Вместе с тем по своей природе, направленности на установление и познание содержания обстоятельств расследуемого и разрешаемого уголовного дела, используемым в этих целях средствам и способам следственные действия и судебные действия следственного характера, безусловно, отличаются. Если при производстве одних источником получаемой доказательственной информации является человек с присущими ему чувственно-предметными составляющими, с таким бесценным даром как разум, то в других следственных действиях и судебных действиях следственного характера носителями доказательственной информации являются преимущественно объекты (предметы) материального мира, оценку значения которых для познания обстоятельств уголовного дела дает человек в лице дознавателя, следователя, прокурора и судьи.

В русской языке под разумом понимается «духовная сила, могущая помнить (постигать, познавать), судить (соображать, применять, сравнивать) и заключать (решать, выводить следствие); способность верного, последовательного сцепления мыслей от причины следствия ей и до цели, конца, особенно в приложении к делу»². Мысли человека «сцепляются» посредством слова – исключительной способности человека «выражать гласно свои мысли и чувства; дар говорить, сообщаться разумно сочетаемыми звуками; словесная речь»³.

В уголовно-процессуальной литературе информация о познаваемом объекте (явлении), получаемая посредством словесной речи, называется вербальной (от лат. *verbalis* – словесный).⁴

Любая речь, выраженная словами, представленная в устной или письменной форме с использованием отражающих содержание знаковых форм (мыслей), носит именно вербальный характер. С учетом того, что вербальная информация может быть выражена не только в словесной, но и в иной знаковой форме (в чертежах, документах, включая и те, что содержат специальные технические символы и т.д.) к вербальным способам познания в уголовном судопроизводстве необходимо относить «любые процессы оперирования словами, знаками, символами и другими интеллектуальными сигналами, содержащими человеческие мысли»; «вербальными следует признавать любые механизмы восприятия следователем идеальных объектов, т. е. информации об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, отраженных в человеческом сознании»⁵.

Анализируя с указанной позиции содержание закрепленных в ст. 173, 176-207, 275-290 УПК РФ процессуальных действий, нетрудно установить, что такие действия, как допрос и очная ставка являются именно вербальными следственными действиями. Устные показания допрашиваемых участников уголовного процесса, как правило, получают свое закрепление в письменной, знаковой, словесной форме в протоколах допросов либо в протоколах очных ставок, то есть действий, содержащих

² См: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3: П.-Р. М.: Олма-Пресс, 2004. С. 487.

³ Там же. Т. 4: С-V. С. 91.

⁴ См: Финогенов Н.А. Фиксация вербальной информации: процессуальный и криминалистические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 5; Победин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовном процессуальном доказывании: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005. С. 53.

⁵ См: Россинский С.Б. Указ. соч. С. 62-63.

в себе словесное или предметное выражение интересующей органы предварительного расследования и суд доказательственной информации (ст. 190, 192 УПК РФ), а все показания допрошенных в суде участников процесса – в протоколе судебного заседания (ст. 259 УПК РФ).

Что касается таких следственных действий, как предъявление предметов материального мира, животных, трупов, живых лиц для опознания (ст. 193, 389 УПК РФ) и проверка показаний на месте (ст. 194 УПК РФ), то в силу того, что содержание этих действий представляет собой органическое сочетание материального (предметного) и идеального (словесного) выражения доказательственной информации, то названные следственные действия необходимо относить к категории смешанных следственных действий между ранее допрошенными лицами с целью выявления причин и возможно-го устранения противоречий, нечеткостей в их предыдущих показаниях.

К этим следственным действиям надлежит, на наш взгляд, отнести и такие процессуальные действия, как контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ), а также производство отдельных видов экспертиз, в частности, тех, что связаны с определением психического состояния подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, производство которых сопряжено с необходимостью устного или письменного общения с подлежащим экспертному исследованию лицом (судебно-психологическая экспертиза, лингвистическая экспертиза и др.).

Что касается осмотров, освидетельствований, обысков, выемок, следственных экспериментов, включая и те, что сопровождаются изъятием электронных носителей информации (ст. 176-185, 164.1 УПК РФ), а также связанных только с исследованием объектов (предметов) материального мира экспертиз (биохимическая, трасологическая и т. д.), то в силу их преимущественной связанности с восприятием фрагментов объективной реальности, предметов материальной действительности, сведения о которых обуславливают формирование у познающего субъекта мысленных образов, представлений об исследуемом событии, то такие следственные действия называют в процессуальной литературе невербальными (нонвербальными)⁶.

К ним надлежит отнести, при условии законодательного закрепления, и сформулированное профессором А.С. Александровым универсальное следственное действие, названное «получение цифровой информации (машинным способом)»⁷. Такое следственное действие, заслуживающее самого пристального внимания, как нам представляется, не может полностью заменить все существующие следственные действия, особенно те из них, что носят вербальный характер.

Даже если предположить, что универсальное следственное действие «получение цифровой информации машинным способом», может осуществляться, как считает его первооткрыватель, любым «пользователем»: программистом, специалистом по информационной безопасности корпорации (профессиональным «антихакером»), но также «роботом» и «ботом» как своеобразными «интеллектуальными агентами», которых А.С. Александров назвал «агентами уголовного розыска», и они ... будут получать, анализировать цифровую информацию, на основе которой обвинитель будет формировать доказательства обвинения⁸, без человека, его эмоций, всего того, что включает в себя психическая и психологическая составляющая уполномоченных на соби́рание доказательств должностных лиц, обойтись невозможно. Нельзя игнорировать тот факт, что прежде, чем стать по уголовному делу доказательством, любой факт реального мира, любые сведения о нем, как справедливо отмечает профессор З.З. Зинатуллин, должны пройти осмысление и оценку с позиции достоверности, относимости, допустимости, а взятые в своей совокупности еще и достаточности для принятия того или иного значимого процессуального решения⁹. Необходимо всегда помнить о том, что «человек создан для познания, вне его он просто не существует», что «человеческое мышление, выступающее в виде предметно-чувственной деятельности человека, способно познать все сущее, познать бытие во всех аспектах своего проявления»¹⁰.

⁶ См: Князьков А.С. Признаки и система следственных действий // Вестник Томского гос. ун-та. 2011. № 352. С. 132; Россинский С.Б. Указ. соч. С. 70.

⁷ Александров А.С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. №2. С. 133.

⁸ Там же. С. 136.

⁹ Зинатуллин З.З. О проблемах уголовно-процессуального доказывания в связи со вступлением в эпоху цифровых технологий / Уголовно-правовая политика: тенденции развития: сб. науч. ст. Ижевск: Удмуртский университет, 2018. С. 70.

¹⁰ Зинатуллин З.З. Избранные труды. СПб.: Изд-во «Юридический центр - Пресс», 2013. Т. II. С. 289-290.

Все «интеллектуальные агенты», прежде чем убедиться в том, что полученная ими цифровая информация может быть положена в основу обвинения, сами должны оценить её доказательную значимость с позиции свидетельствования о наличии в анализируемом деянии всех конструктивных элементов конкретного состава преступления, определить его субъективно существующую составляющую, характер и степень общественной опасности, что возможно лишь в условиях всестороннего, полного и объективного установления объекта, объективной и субъективной составляющих исследуемого состава преступления, а также всего того, что характеризует субъект преступления. Без этого обвинитель не сможет правильно сформулировать обвинение в его материально-правовом содержании по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, конечно, досудебного разбирательства (этап досудебного производства по уголовным делам, как видим, уже присутствует) на основе информации, пусть даже собранной с помощью технических средств (к примеру, видеонаблюдения) и оцененной в качестве уголовно-процессуальных доказательств. Не «робот» же производит такую оценку, а человек, тот же дознаватель, следователь, прокурор, судья. Не свидетельство ли это того, что без досудебного производства разрешить большинство уголовных дел (исключение составляют дела частного обвинения) по существу, а впоследствии правосудие по делу, невозможно?

«Обвинять и судить могут только люди, но не машины, потому что оценить правовую ситуацию и принять решение о применении закона к человеку – предъявить обвинение, осудить, оправдать может только другой человек ... Машина должна быть априори исключена из этой сферы, ибо она не может судить человека»¹¹.

Необходимость повышения эффективности борьбы с криминалом, конечно же, побуждают к поиску и внедрению в уголовное судопроизводство новых, более современных средств и способов установления обстоятельств совершаемых преступлений. Обращая на это особое внимание Президент России В.В. Путин в выступлении на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 19 марта 2019 г. указал, в частности, на то, что «от архаизмов, от всего того, что тормозит развитие, нужно, безусловно, решительным образом избавляться. Но делать это нужно в высшей степени аккуратно. Мы понимаем, сколько здесь рисков. Нужно быть очень внимательным при принятии определенных решений»¹².

В условиях существующего в современной России достаточно высокого уровня преступности, не совершенного уголовного и уголовно-процессуального законодательства, знание которых к тому же, по образному выражению Генерального прокурора Ю.Я. Чайки, «для многих наших следователей ... это космос»¹³, совершенно не нужно, на наш взгляд, ставить под сомнение существующую структуру российского уголовного судопроизводства, вешать на сегодняшний следственный аппарат ярлык паразитарной государственной структуры, считать, что профессия следователя устарела и должна в ближайшей перспективе отмереть¹⁴.

Существующие следственные действия, закрепленные в ст. 173, 176-207, 275-290, ч.4 ст.415, 425-426, ч. 5 ст. 450 и 450.1 УПК РФ, с позиции их служения достижению уголовным судопроизводством, сформулированного в ст.6 УПК РФ назначения, на наш взгляд, себя оправдывают. Свидетельством этого является, в частности, устойчивое снижение числа совершаемых преступлений и повышение их раскрываемости. К примеру, в Удмуртской Республике в 2011 г. было зарегистрировано 27 967 преступлений, то в 2017 г. таковых стало 24 174; в 2011 г. общая раскрываемость тяжких и особо тяжких преступлений составляла 41,2 %, то в 2017 г. – 49,9 %¹⁵.

Правильное и полностью согласуемое с объективной действительностью понимание следственных действий, их сущностно-содержательного предназначения, четкая классификация на обоснованные виды являются залогом социально-ценностного использования следственных действий для познания обстоятельств расследуемого и (или) разрешаемого уголовного дела и для успешного вы-

¹¹ Там же. С. 138-139.

¹² Выступление Президента России В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 19 марта 2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru>.

¹³ Чайка Ю.Я. Своими словами // Комсомольская правда. 2018. 1-8 марта.

¹⁴ См.: Деришев Ю.В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Омск, 2005. С. 31-35; Александров А.С. Указ. соч. С. 135.

¹⁵ См.: Состояние законности в Удмуртской Республике за 12 месяцев 2011 года; Комплексный анализ оперативной обстановки в Удмуртской Республике за 2017 год. С. 9.

полнения российским уголовным судопроизводством своего предназначения по защите прав и законных интересов граждан России.

Поступила в редакцию 22.04.2019

Зинатуллин Зинур Зинатуллович, доктор юридических наук, профессор

Перевощикова Александра Алексеевна, аспирант

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)

Z.Z. Zinatullin, A.A. Perevoshchikova

**INVESTIGATIVE ACTIONS: THE CONCEPT, SYSTEM AND PROSPECTS OF ITS DEVELOPMENT
IN THE CONDITIONS OF TRANSITION TO THE EPOCH OF DIGITAL TECHNOLOGIES**

On the basis of the analysis of the content and purpose of investigative actions, the article formulates their definition as a means of knowing the circumstances of the investigated and (or) resolved criminal case, critically evaluates the classification of such actions at the legislative level and substantiates the conclusion that the theory and practice of criminal proceedings should follow ways of their division on verbal, non-verbal and mixed investigative actions. The social value of such a classification of investigative actions is seen not only in their full agreement with the objective reality, but also in the possibilities of penetrating the essence and content of each of the types of such actions. It is substantiated that in the era of digital technologies with the possible formulation as a universal investigative action, the acquisition of digital information by a machine, the social value of investigative actions existing and enshrined in the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, including those of a verbal nature, in their service to the achievements of Russian criminal proceedings do not lose their value in protecting the rights and legitimate interests of Russian citizens.

Keywords: investigative actions, signs, system, digital technologies, verbal, non-verbal, mixed character, social value.

Received 22.04.2019

Zinatullin Z.Z., Doctor of Law, Professor

Perevoshchikova A.A., postgraduate student

Udmurt State University

Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034